

Александр Назаров

16+

Age of Madness:
рассказы

Александр Назаров
Age of Madness: Рассказы

«Автор»

2021

Назаров А.

Age of Madness: Рассказы / А. Назаров — «Автор», 2021

Age of madness - это мир бесконечной борьбы, будь то борьба государств или идеологий. Истина в нем граничит с безумием. За свободу и мечту человеку необходимо бороться с другими людьми, темными силами и даже с самим собой.

© Назаров А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Вечность	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Назаров

Age of Madness: Рассказы

Вечность

Через большие города, непролазные леса, бескрайние степи, через века идет человек, вернее, тот, кто был когда-то человеком. Добродушный на вид старичок в сине-золотых одеждах путешествует от города к городу, от деревни к деревне. Он рассказывает истории, странные сказки, разжигающие воображение. В народе милый дедушка давно получил прозвище «Сказочник». Никто не знал его настоящего имени, сам он не представлялся. Неизвестными оставались его прошлое, и даже откуда он: время, казалось бы, стерло все внешние отличия с этого старческого лица. Никогда никто не слышал от него бранного слова или дурного выражения. Сказочник всегда оставлял за собой загадку, природу которой нельзя было понять. А мы знаем, как большинство людей относятся к тому, чего не понимают. На него охотились, обвиняли в ереси и преследовали, но каждый раз, как по волшебству, старик ускользал. Невидимой нитью сказочник проходит сквозь историю человечества. В этот раз он вернулся на свою родину, холодную мертвую пустыню. Пустыня эта не похожа на остальные. Это не жаркая пустыня востока, не раскаленные камни Диких земель, нет, те пустыни лишь с первого взгляда мертвые. Однако, стоит присмотреться, как станет ясно, что они кипят жизнью: суровой, грубой, но все-таки жизнью. Насекомые, мелкие зверьки, кактусы – типичные обитатели знакомых нам пустынь. Здесь же – ничего. В этой пустыне не было жизни – лишь смерть. Холодные унылые виды от юга к северу и от востока к западу. Далеко не каждый авантюрист отважится зайти туда в поисках потерянных сокровищ погаснувшего мира. Тот, кто решился, вряд ли вернется живым. Множество легенд ходит об этой пустыне, и все они рассказываются шепотом. В легендах минувших дней данную страну называют по-разному: Домог, Хад, Пустыня-за-Пределом, Ленг. С грустью в глазах взирал Сказочник на погибшую родину. Сомкнувши очи, вновь он узрел последние дни своей цивилизации. Да, в то время он действительно мог назвать её своей. Снова он чувствовал дуновение теплого ветра, вновь слышал голоса на знакомом языке, ныне мертвом. Судьбы людей, даже тех, кого он не знал, мелькали перед мысленным взором Сказочника. Он оглянулся в прошлое, чтобы снова увидеть, как все было, взвесить свои решения и выбор других людей.

Бриз доносил морскую свежесть, её нежное дыхание до сверкающего белого города близ высоких базальтовых скал, прозванных «Безымянными». Огромный город шел ступенчато: раскинулся он от берега моря к предгорьям. Улицы его были разделены каналами и пышными зелеными стенами лесов, что произрастали прямо в городе. В центре города располагался гигантских размеров амфитеатр, за которым, ближе к горам, возвышалась Терраса Правосудия. Там, на террасе, находились палаты Триумvirата, можно сказать, главное здание в стране. «Ave republic» – гласили слова над порталом палат. Вокруг всех этих достопримечательностей разрастались дома, улицы, площади.

В то время, когда солнце висело высоко над головами, опалая древний город, по улице шел мужчина. У него были длинные вьющиеся волосы, одет он был в красную тунику, поверх которой была накинута белая тога. На лице его сияла беззаботная улыбка, он здоровался с каждым встречным. У молодого поэта была назначена встреча с очень хорошими знакомыми, вследствие этого он и находился в приподнятом настроении. Так он и шел: здоровался со всеми.

– Приветствую вас, господин Прокуратор, – обратился он к идущему навстречу мужчине лет шестидесяти с короткими аккуратно постриженными седыми волосами. Одет он был в белую тогу с пурпурными полосами. На голове его покоился золотой лавровый венок. Прокуратор, однако, не поздоровался, а просто поднял руку в приветственном “ave”, после чего с угрюмым лицом пошел дальше.

Поэт пожал плечами: «Ну и ладно, ну и не надо было. Можете не здороваться». Он продолжил путь. Редко поэт видел прокуратора в таком невеселом настроении. Если триумвират Магды был головой государства, то прокуратор – сердцем. Он был гарантом справедливости в то время. Он одинаково свободно говорил с простыми гражданами, учеными и высшими чинами. Обычно он мог поддержать любой разговор, но в этот день он почему-то был не в настроении.

Тем временем Марк, так звали поэта, дошел до заведения, стоящего на холмике. Как и у любых других общественных мест, у этого вместо дверей были просто занавески. Встреча должна была произойти на крыше дома, откуда открывался очень достойный вид на город. За место уже было уплачено. Там, наверху, прямо по центру крыши стоял большой круглый стол, вокруг него – стулья. По краям площадки стояли цветочные горшки. По перилам вилась лоза. Там Марк встретил своего верного друга, Гипноса, который имел почетную должность астролога. Одет он был в алое одеяние, подобающее его профессии. Его волосы были эбонитового цвета. Обменявшись любезностями и новостями, друзья уселись за стол в ожидании остальных. «Остальные» опоздали на добрых полчаса. Обе, что редкость, свободные женщины: одна – дочь высокопоставленного чиновника, вторая – сама себе хозяйин, вернее – вдова землевладельца. Зефира и Агнесс были неразлучными подругами. Зефира – девушка с каштановыми волосами и ярким взглядом, обладала природной неброской красотой. Агнесс по красоте не уступала подруге: она была высокого роста, стройная, с длинными волосами цвета соломы. Её взгляд так же был сияющим, но при этом немного усталым. Стоило подружкам появиться на крыше заведения, как Марк тут же заключил их в объятия, в то время как Гипнос помахал им рукой и улыбнулся. Вернулись за стол и налили вина. Вспоминали былое, мечтали о будущем, смеялись.

– Ночь будет ясная, – говорил Гипнос, – идеальная ночь, для наблюдения за луной. Сегодня она должна вылиться в луну Хаоса. Буду пристально наблюдать за нею из своей обсерватории.

– Мне кажется, лучше будет это сделать не из твоей обсерватории, а из круга камней на холме звезд недалеко от залива, – возразила Агнесс, осведомленная и заинтересованная в астрологии не менее, чем её друг.

– Это еще почему?

– Глупый, тебе ли не знать? – Все небо будет для тебя закрыто горами, в кругу камней вид гораздо лучше. Поучился бы у древних – они наблюдали за бесконечностью именно там.

– Да, наверное, ты права, просто я никогда раньше не наблюдал за лунной хаоса, и взор мой был направлен в иные дали, поэтому...

– Оправдывайся, ха-ха! – со смехом прервала его Зефира.

– И то правда, – Гипнос снова обратился к Агнесс, – а что ты думаешь о другом месте, скажем, о...

Пока Гипнос и Агнесс обсуждали серьезные вопросы науки небесных сфер, Марк и Зефира умиленно наблюдали за ними, моментами переглядываясь. Когда собеседники заметили это, они недоуменно уставились на Марка и Зефиру:

– Что? – в один голос спросили Агнесс и Гипнос.

– Продолжайте, – одновременно ответили Марк и Зефира, – это так мило!

Дальше разговор о звездах не шел: неловко было. Все отшутились, а Марк решил зачитать свою новую балладу.

...

Гипнос, вполуха слушавший Марка, вдруг прервал его выступление:

– Эй, поглядите! Там, на скалах, – рукой он показывал на вершины базальтовых гор. Гипнос достал предмет, через который стал пристально рассматривать черные пики Безымянных гор.

– Опять ты со своей «позорной трубой»? – усмехнулся Марк.

– Подзорной, – машинально поправил его взволнованный Гипнос, – готов поклясться, я видел там кого-то. Фигура, похожая на человека, мелькнула на секунду меж черных скал.

– Бред, туда невозможно попасть.

– По древним легендам, – прервала создавшуюся на секунду тишину Зефира, – там, на Вершинах Безымянных гор, жили боги. «А непреступны скалы базальтового камня потому, что людям недозволено видеть лик богов».

– Как хорошо, – добавила Агнесс, – что мы отказались от концепции богов. Это просто универсалий глупости.

– Зато как романтично!

Сошлись на том, что либо Гипносу показалось, либо ему настолько не хотелось слушать балладу Марка, что он решил таким образом её прервать.

Прокуратор тем временем подходил к палатам триумvirата, величественным висячим садам, высеченным в скале, откуда вода по акведукам поступала в другие, даже самые отдаленные части города. Именно там, в горе, был родник, а над ним возвышались три трона Магды. Это был правящий орган государства, объединяющий все три ветви власти: законодательную, судебную и исполнительную. Триумvirат, по законам Республики, должен быть воплощением логики и справедливости. В нем были представлены три поколения: поколение старших – хозяев прошлого, поколения взрослых – хозяев настоящего, и поколения молодых – властителей будущего. Число три, что издревле вмещало в себя некий мистический и оккультный смысл, эхом звучало во всем, что касалось триумvirата Магды. Втроем они управляли бескрайними землями великой Республики, что подчинила себе весь известный мир. И вот прокуратор предстал перед тремя властителями мира: стариком, женщиной и подростком. Но, если бы у него был выбор, он бы вовсе их сегодня не видел. Прокуратор был человеком простым: он уважал право других людей на отдых, но и хотел бы, чтобы и остальные уважали его право. Когда его вызвали прямо во время его единственного выходного, он был в своих садах, где хотел придаться долгожданному уединению, вкушая напитки, которые называл амброзией. Разве много человек просил? Неудивительно, что к триумvirату прибыл он в подавленном настроении. Он был крайне раздражен случившимся. Он поклонился, но не низко. С вопрошающим взглядом он уставился на Магду. Глаза его горели вопросом: «Ну и что вам нужно, для чего вы прервали заслуженный отдых человека?». У триумvirата была странная манера речи говорить так, чтобы каждый член высказывался по очереди, при этом они часто выдавали одну и ту же мысль вместе, оканчивая предложения друг за другом. От этого Прокуратору становилось не по себе. Ко всему прочему, зал триумvirата всегда освещался только светом солнца, либо луны со звездами, обиталище Магды всегда было погружено в полумрак. Все это в совокупности создавало в голове Прокуратора глупую мысль, что Магда – это и не люди вовсе, а какие-нибудь вампиры из древних сказок. Каким бы видимым почтением к Магде не обладал Прокуратор, в душе он испытывал к ним холодную ненависть.

– Приветствуем тебя, великий прокуратор, Магда благодарит тебя за то, что откликнулся на зов её.

«Еще и говорят о себе в третьем лице» – подумал Прокуратор.

– Да-да, можно ли мне водички? Горло ужасно пересохло, – ответил он с некоторым вызовом и сарказмом в голосе.

– Мы просим серьезности с вашей стороны, – говорили Магда тремя голосами, – в конце концов, мы бы не стали прерывать ваш выходной день понапрасну.

При каждом слове «мы» у Прокуратора по телу как будто расплзались стеклянные иголки.

– Так в чем же проблема, светлейшие?

– Нонсенс, о прокуратор, нонсенс. На востоке, у самого основания полуострова зародился культ.

– Культ? Абсурд, мы покончили с культурами века назад. Да если и культ, то что с того? Это не моя забота – отправьте людей, пусть порубят этих дикарей. Я управляю столицей, а не стою на страже нравственности нашей страны.

– Проблема в другом. Местные власти так и хотели поступить, уничтожить язычников. Но войска отказались и сами оказались культистами.

– Вот как. Действительно нонсенс. Они убили кого-нибудь?

– Пока известий на этот счет не было. Есть известия и пострашнее. Нам докладывают, что все больше сторонников нового культа прибывают в столицу. А главное – сюда направляется и глава культа. Мы хотим, чтобы это дело перешло под ваш контроль.

Настроение Прокуратора было испорчено вконец.

– А что о них вообще известно?

– Лидером культа является некто «Сефира». Нужно найти лидера и расправится с культом. Мы даем вам полную свободу действий в вашем расследовании. Теперь вы свободны.

– Вот спасибо.

Обратно Прокуратор возвращался в еще более подавленном состоянии. Его ждали долгие, тяжелые дни, свидетели, допросы и прочие неприятные вещи. Да и культисты, что это в сущности такое? Животные, вedomые твари.

В то время, как Прокуратор готовился к расследованию, назначал людей и отдавал приказы, Гипнос готовился наблюдать уникальное небесное явление. Путь к холму звезд лежал по дороге близ гор. Дорога эта спускалась к холмам и уходила к небольшой рыбацкой деревушке у залива. По пути астролог встретил людей, которые поведали ему о случившемся некоторое время назад оползне в горах и посоветовали ему быть осторожнее. Гипнос не сильно волновался по поводу повторного оползня и продолжил путь.

В самом центре круга камней астролог установил свой телескоп. Там остался дожидаться ночи, любясь видами. Тьма опустилась на землю, все заполонила вечерняя свежесть, и звезды с луною появились в небесах. Когда лунное гало заколебалось и заиграло красками, готовая превратиться в луну хаоса, когда снизу холма послышались шаги. Гипнос вскочил, достал кинжал и уперся взглядом в густую крошечную тьму. Он напряг каждый мускул своего тела. Но астролог смягчился, когда ночную свежесть прорезали звуки перебора струн. А увидав, что это всего-навсего идет его друг, Марк, Гипнос вернулся к наблюдению за звездами. Поэт напевал:

Угрюмый астролог в кругу камней сидит, На звезды сквозь телескоп он глядит.

Гипнос возмутился:

– Стой, прекрати! Петь о том, что видишь – преступление против поэзии.

– Да ладно тебе. Ну что, высмотрел чего-нибудь интересное? Новую звезду, или вторую луну?

– Можешь и сам посмотреть, если хочешь.

Пока Марк наблюдал за луной в телескоп, его друг бродил по окрестностям и рассуждал:

– Скажи мне, почему луна мертвая? Если есть жизнь в нашем мире, почему ей не быть там? И где другие миры, почему их не видно, неужели мы одни? Да, мы живем в мире вопросов, а не ответов.

Ночь наполнилась пением сверчков. Внимание Гипноса опять привлекли Безымянные горы, чем дольше он смотрел на черные мертвые скалы, тем больше он сам, да и весь мир

становился наэлектризованными. Астролог долго вглядывался в одну точку, пытаясь понять, что приковывает его взор. Осознание пришло, и тут же Гипнос оттолкнул друга от телескопа и перенаправил прибор на горы.

– Ты что творишь? – воскликнул ошарашенный Марк.

– Это не отблеск звезд, как я подумал сначала, это огонь! Это точно огонь! На вершинах скал горит огонь, там кто-то есть. Я вижу тени, они пляшут вокруг огня.

– Хватит, на эти горы, я уже говорил, не заберешься, разве что у тебя есть крылья.

– С каких пор ты стал таким скептиком, а, поэт? Я вижу фигуры. Смотри сам!

Сквозь линзы телескопа до друзей доходил образ костров, фигур вокруг огня. В отсветах пламени виднелись даже силуэты зданий причудливой, неправильной формы.

– Все так, – проговорил Гипнос, – я хочу отправиться туда.

– Послушай, друг, я понимаю твой пыл исследователя, но ты не бессмертен. Memento mori.

– Не важно. Я никогда не видел ничего интереснее. Представь себе, веками нам говорили, что пики безымянных гор недостижимы. А там – люди, дома! Значит туда можно попасть. Так ты со мной?

– Конечно, – ни секунды не сомневаясь, ответил Марк.

Встречу назначили здесь же, в полдень. Гипнос хорошо подготовился, собрав всю необходимую амуницию. Марк явился не менее подготовленным... и не один. Вместе с ним на холм круга камней пришли Агнесс и Зефира. Астролог был ошарашен. Оказалось, что Марк с утра случайно проболтался о своих планах Зефире, она же в свою очередь рассказала Агнесс. И вот, они обе стояли тут, готовые к путешествию. В душе Гипноса проснулась неведомо откуда взявшаяся совесть. Ему стало неудобно тащить с собой в потенциально опасную дорогу двух дам. В то же время он понимал, что переубедить их невозможно. Он вздохнул.

– Я надеюсь, Марк рассказал вам о всех опасностях, которые ждут нас во время подъема на Безымянные горы? – поинтересовался он.

– Рассказал, – быстро ответила Зефира.

– В смысле, опасности и подъем в гору? – воскликнула Агнесс.

– Я все сказал, – оправдывался Марк.

– Может быть... наверное... это я плохо передала, – призналась Зефира.

Возникло неловкое молчание.

– Кстати, Зефира, – прервал молчание поэт, – а как это твой отец разрешил тебе идти с нами? Просто, он такой строгий в отношении авантюры.

– Он слишком занят со своими «делами государственной важности».

Двинулись в путь. Заросшие лесами предгорья друзья преодолели быстро, дальше возвышались сами Безымянные горы. У подножья еще оставалась кое-какая растительность – мхи, лишайники. Изредка путешественникам на глаза попадались горные зверки и птицы. Мифической птицы Рух, к счастью, не встретили. Каждый новый шаг вверх давался все сложнее. Трава уже осталась позади, и друзья пробирались уже по голому черному камню. В итоге они вышли на небольшую горную площадку, откуда открывался прекрасный, захватывающий дыхание вид на столицу и на необъятные земли Великой Республики. В центре площадки возвышался монумент, вытесанный, что удивительно, из белого мрамора. На стороне монумента, обращенной к горной тропинке, по которой друзья сюда и пришли, была вырезана надпись «Камень преткновения». Так была отмечена максимальная высота, на которую забирались люди: за ней горы возвышались отвесной стеной. Здесь же был небольшой родник и пара скамеечек, на которые друзья и присели.

– Вот и все – finis! – гордо объявил Марк, уверенный в своей правоте на счет того, что дальше дороги нет.

– Неплохо вышло приключение. Какой прекрасный вид.

– Должен быть путь наверх, мы оба видели там людей. Эти костры. Эти дома, – рассуждал Гипнос, одержимый своей идеей покорить Безымянные горы.

– Зефи? – так на ласковый манер обращалась Агнесс к Зефире, – Ты куда там ушла? Зефира почти свесилась с края площадки.

– В стенах много отверстий, – пробурчала в ответ Зефира, – интересно... у нас есть веревка?

– Да, но зачем она сейчас тебе понадобилась?

– Обвяжите её вокруг меня и помогите спуститься вот на тот выступ.

Так и сделали. Внизу, на уступе, храбрая девушка стала подходить к одной расщелине за другой, подставляя руку. «Ага!» – вдруг вскрикнула она и протиснулась в одну из щелей в породе.

– Ты там не застрянешь? – крикнули ей сверху. На это Зефира выглянула из расщелины и послала в стоящих наверху друзей грозный взгляд.

– Тут проход, спускайтесь за мной.

Внизу она объяснила, что из расщелины шел сильный поток воздуха, что означало, что там мог быть проход. Размер входа позволял довольно спокойно пройти внутрь. Зажгли факела, они были готовы к тому, что придется идти ночью. Лаз был широким вначале, но, чем дальше друзья заходили, тем уже он становился. В один момент казалось, что дальше двигаться уже нельзя. В голову невольно приходили рассказы о путниках, застрявших между недвижной горной породой и умерших там от голода и жажды. Смерть их была долгой и мучительной. Вспомнивший такую историю вслух Гипнос тут же получил оплеуху от Агнесс. Факела пришлось оставить, чтобы можно было идти дальше. Путники шли во мраке, и слышно было, как бились их сердца, а кровь звенела в ушах. Но вот он – яркий дневной свет в конце тоннеля. На выходе компания друзей узрела, что попала в горную долину. Все выдохнули с облегчением. Долина представляла собой небольшую рощу внутри кольца гор, посреди которого разлилось озеро. Место это, однако, отличалось от привычных для путешественников лесов: воздух здесь был пронизан тонкой, едва заметной дымкой, сквозь которую проплывали красные огоньки.

– Как чудесно, – воскликнула Зефира!

– Я должен написать об этом месте, – подхватил Марк.

– Место чудесное, но вы не думали, что нам пора двигаться дальше? – спросила Агнесс, пребывавшая в странном напряжении.

– Это еще почему? – спросили остальные.

– Не знаю, что-то странное здесь... этот туман, эти огоньки. Они дурманят меня.

– Ну отдохнуть-то мы должны, это все у тебя от усталости. Я вот-вот упаду.

– Действительно, – неуверенно согласилась Агнесс.

Присели у валуна. «А где все звери? Где вся живность?» – думал Гипнос. Агнесс разглядывала выступающий из земли округлый белый камень. Вдруг мысль поразила её, она вырвала из земли камень, который оказался белеющим черепом.

– Ты была права, уходим, здесь нет ничего живого, кроме растений, – сказал увидевший это Гипнос, – пелена эта словно душит, вы принимаете за усталость яд. Мы уснем здесь, но проснемся ли?

Сон сняло как рукой.

– Но куда идти?

– Мне кажется, – Марк оглядел окрестность, – или там лестница в скале?

Ему не казалось, в камнях действительно была вытесана лестница. Очень древняя, казалось, она была здесь до момента возникновения мира. По мере продвижения вверх друзья уставали, а ноги их деревенели, тяжелели. Когда туманная долина осталась далеко внизу, а дымка развеялась, только тогда путешественники смогли дышать полной грудью. Они уселись

на ступеньки. Древние каменные стены Безымянных гор были холодны и влажны. Когда они немного отдохнули Гипнос, которого, как и Марка, уже какое-то время мучала совесть, за то, что они подвергли девушек такой опасности, предложил провести их до безопасного места, к “камню преткновения”. Сами бы они продолжили путь. Но верные их подруги наотрез отказались и пошли дальше.

Лестница, что вела к небесам, окончилась у древнего портала черного камня. Четверо вошли внутрь, во тьму. Стены подземелья были испещрены барельефами. Изображали они существ, которые могли появиться только в голове безумца. Лишь отдаленно они напоминали людей: Нижнюю часть тела составляли хвосты, одинарные или раздвоенные, выходявшие из человекоподобного туловища. Из торса вырастали бесчисленные членистые лапки насекомых. Плечи были представлены двумя парами челюстей с острыми зубами, из этих пастей выходили, бились языки пламени и клубы дыма, в котором плавали сферы. По бокам росли тонкие, костлявые руки, оканчивающиеся когтистыми лапами. У некоторых из существ за спиной были большие крылья как у крылатых змеев наподобие мифического Кетцалькоатля. Существа были вооружены: кривые кинжалы, мечи о двух лезвиях и посохи с набалдашниками в виде языческого символа солнца, лучи которого были изображены в виде щупалец. В центре солнца находился змеиный глаз.

Меж хвостами тварей шныряли мелкие гуманоидные создания с острыми головами и длинными когтями на руках. Настолько подробная и реалистичная резьба поражала воображение и заставляла кровь стыть в жилах. Подняв глаза к потолку, друзья увидели, что твари возносят молитвы вовсе не небу: на потолке извивались каменные щупальца. “Корнями” щупальца уходили дальше по коридору. И небо спускалось к тварям – вокруг них плясали звезды и луны, не похожие друг на друга.

– Зря я вас сюда привел, зря мы пришли сюда, – бормотал Гипнос.

– Хватит. Мы пойдем с тобой до конца. Мы всю жизнь друг друга знаем и не подведем, – возразил Марк, девушки кивнули.

– Но что, если эти твари, изображенные на стенах, реальны? Дело в том... я же видел в телескоп фигуры.

– Ну, пока мы ничего не слышали и никого не встретили. Мы не разделялись и все пока что хорошо. А если бы мы услышали хоть один шорох в этой гробовой тишине, думаю, мы бы мчались быстрее солнечного луча. Да и к тому же, Республика, да славится она, покорила весь мир, не встретив других разумных существ, помимо людей. Вряд ли они живут прямо у нас под боком. Очевидно, что все это придумали такие же люди, как и мы. Но я поражаюсь их воображению, следует написать эпическую повесть о нашем путешествии...

– Да, – прервала Агнесс речь Марка, которая с каждым словом становилась все менее уверенной, – Вы видели в телескоп человеческие фигуры. А это – выдумки.

– Не будем об этом. В конце концов, мы вооружены.

Марк похлопал гладиус в ножнах у себя на поясе. Гипнос кивнул. Они шли дальше. Коридор окончился очередным порталом, ведущим в большой зал. Проход дальше преграждал бассейны. Дна не было видно. Эта преграда выглядела более реальной, чем изображения страшных тварей на барельефах. Путники присели на край спокойной воды и стали думать, как пробраться на ту сторону.

– Попробуем найти обходной путь, – предложил Марк, пока Зефира осматривала стены, а Агнесс рисовала круги на воде и кидала туда камушки. Вода лишь несколько секунд дрожала, а потом успокаивалась.

Марк с Гипносом обсуждали план обхода, но вдруг раздался всплеск. Обернувшись, все увидели, как Агнесс плывет по воде вглубь зала. Марк вытаращил глаза:

– Она обезумела!

– Да, – подтвердил Гипнос, после чего крикнул: «Алон-си!» – сделал глубокий вдох и нырнул следом.

– Безумцы, самоубийцы, плавунцы! – наперебой кричали им вслед Марк с Зефирой.

Ошарашенная пара мысленно уже хоронила двух сумасбродов. Бассейн был большим, и у Гипноса с Агнесс ушло минут десять, чтобы перебраться на ту сторону. А там стояла старенькая лодка с веслами. Усевшись внутрь, Агнесс и Гипнос расхохотались.

– Вернемся за трусишками-голубками? – предложила Агнесс.

– Разумеется, оставлять их наедине было бы кощунством. Разделяться нельзя, только подумай, как страшно им одним. Ха-ха, у них там праздник, наверное, остались вдвоем. Как известно, видишь праздник...

– Испорти его.

Лишь они вернулись за «трусишками», двое сразу получили от них и свою характеристику – «безумные плавунцы». Снова перебравшись на ту сторону, друзья обнаружили выход на поверхность. Пред ними предстал невероятных размеров кратер с находившимся там монолитным древним городом, чьи здания были буквально вырезаны из цельных кусков породы. Таким же безымянным, как и горы. Дворцы, вытесанные из базальта, мрамора и обсидиана, окрашенные в огненные цвета заката. Форма их поражала. Что за безумные архитектор создал этот город? На другой стороне кратера располагалось самое большое здание черного города – врата, вросшие в скалу и напоминающие искаженные врата палат триумvirата. В центре врат находились три больших размеров гнезда в виде стрел, инкрустированные рубинами. Вокруг царил мертвая тишина. Друзья шли по обсидиановым улицам. Сердца трепетали. В душе перемешались чувства восхищения и страха. Они были на подступах к исполинским вратам, когда случилось страшное. Мир словно разбился на тысячу осколков в один миг. Тишина взорвалась, и пустота наполнилась криками и непонятной страшной речью.

Словно из пустоты пред ними появилось одно из существ, изображенных на барельефах в туннелях внизу. В реальности оно оказалось куда больше и страшнее. Друзья увидели черты, что не были отражены в камне. Тело было полностью черного цвета, кожа отчасти прозрачной: виднелась кровь, циркулирующая по венам. Сферы, что на барельефах летали в дыму, на деле оказались летающими, ярко светящимися глазами. Тварь расправила невиданные крылья, по которым волнами пульсировала энергия. Ужас и благоговение заполнили первооткрывателей. «Они – дети космоса, существа сродни межзвёздному эфиру», – понял Гипнос.

Все тени в городе тем временем зашевелились. Казалось, само пространство извивается вокруг. В голове была одна мысль – бежать. Бросившись к тоннелю, из которого они пришли, беглецы слышали рокот сотен приближающихся ног. В панике они развернулись и снова побежали. Друзья отчаянно искали пути отступления, перекрикивая друг друга. Из коридоров начали выбегать малые когтистые существа, которые словно сошли с барельефов. Неужели все потеряно? Неужели они останутся здесь навечно? Но вот – надежда, скальный проход, который, судя по виду, образовался после недавнего оползня. Четверо путешественников бросились к нему. На одну секунду, прямо перед тем, как сбежать, Гипнос обернулся. Тогда в голове его молнией сверкнули мысли: «Они нас не преследуют, они не настроены агрессивно, они зовут нас, машут руками!». Он хотел было сделать еще одно, финальное умозаключение, но раздался крик, весь мир закружился. Боль. Удары. Очнулся он, лежа на грубом камне. Они споткнулись и покатались вниз, к счастью, упали на небольшую площадку. Марк в последний момент схватил за руку Гипноса, прервав его размышления и заставив упасть вместе с ним.

Потрепанные путники возвращались домой. Блики заката плясали на скалах. До темноты друзья успели добраться лишь до очередного лесочка, где из подручных средств разбили лагерь. Все были разбиты, подавлены, израненными. Гипнос остался снаружи лагеря и смотрел на звезды, проклиная себя. Он винил себя в том, что привел своих друзей сюда и подверг смертельной опасности. И все из-за глупого любопытства! Дальше хуже: они заблудились в

горах. Снаружи импровизированной палатки он слышал всхлипывания девушек и утешения Марка. Гипнос уткнул голову в колени. Но в душу его закралось еще одно сожаление. Сожаление об упущенных возможностях. Он не вполне понимал эти чувства. Но они уже засели у него в душе.

Следующие дни не представляли ничего кроме боли. Все опасения, касательно их ситуации оправдались. Они почти неделю блуждали в горах. Многие новые опасности угрожали им на пути домой. Но любой, даже самый ужасный путь подходит к концу. На закате шестого дня они вышли на местность, откуда до столицы было рукой подать.

– Мы уже близко, совсем близко, – подбадривал Гипнос, хотя энтузиазма в его голосе не было совсем.

– Отсюда еще полдня идти, – заметил Марк.

– Как красиво, – прошептала Зефира. Слезы катились у неё по щекам.

– Ну-ну, дорогая, – подбадривала её Агнесс, – все будет хорошо.

– Мы выжили, – говорила дрожащим голосом Зефира, – но для меня это равносильно смерти. Отец убьет меня.

– Не беспокойся. Еще ни один отец не убивал блудную дочь, вернувшуюся домой.

Последняя часть пути домой походила на марш мертвецов: безмолвный, размеренный, отчаянный. Стертыми в кровь ногами передвигались уставшие путники. В глазах от усталости пылали ауры. Впереди, взявшись за руки, шли Марк и Зефира. Сзади недалеко друг от друга шли Гипнос и Агнесс. Астролог прервал молчание.

– Ужас, ужас! Как жаль, что так вышло, – говорил Гипнос, глядя на идущую впереди пару, – зная, как к этому отнесется её отец...

– Зефи это переживет. В сущности, ничего катастрофического не случилось. Пустяк, нечего из-за него так волноваться.

Гипнос смотрел на собеседницу, поражаясь её хладнокровию и рассудительности. «Она права. Абсолютно». Все они были ровесниками, но астролог осознавал, глядя в глаза спутнице, что морально она старше всех их. Оставшееся время они говорили о жизни, о самых разных вещах. Даже Зефира под конец улыбалась и смеялась со всеми, хотя знала, что ждет её дома. Решили, что не стоит рассказывать об увиденном людям.

Что же, самое время рассказать, как отец Зефиры, Прокуратор, вел свое расследование.

Жара была невыносимая. Задыхаясь от ужасной духоты, Прокуратор терзал себя мыслями: «Культ, какая дикость, какая... нелепость! Что ожидать – непонятно. Наш народ много лет как избавился от религиозных предупреждений, а тут такое!». Он представлял себе культистов: неотесанные дикари, толпящиеся вокруг своих мерзких идолов. Кровь стынет в жилах. Если в их возвышенном обществе смог появиться такой атавизм как вера, то как можно быть уверенным в чем-либо. В поклонении нет рациональности и быть не может. В тоже время Прокуратор был крайне заинтригован. Разослав своих агентов, он ждал, думая, что все это продлится долго, что у него будет время разработать план. Но судьба распорядилась иначе. В первый же день ему пришло донесение, что лидер культа схвачен и сейчас в клетке направляется в столицу. Прокуратор решил не ждать, пока пленника доставят к нему в распоряжение, а самому встретить путников. Он спросил, что караван везет.

– Товары, драгоценности, ну и пленника, господин, – отвечали ему, – главу культа везем.

– В торговом караване?

– В торговом караване.

– Какая удача! А мы за ним и поехали. Тогда возвращаемся.

Оказалось, что главу культа успели перехватить и взять в плен. Его поместили в один обоз, дверь которого запиралась на замок. Теперь пленника должны были доставить в столицу.

Прокуратор пожелал увидеть лидера культа. Дверь открылась перед прокуратором, и тот вошел внутрь. Через секунду он вышел, нахмутив брови.

– Это и есть тот самый глава культа? – спросил он, недоумевая.

– Да, так точно.

– Ужас, ужас!

По прибытии в столицу Прокуратор первым делом хотел увидеть свою дочь. Но у него оставалось еще немало дел. Для начала, ему необходимо было провести допрос, который обещал быть странным и тяжелым. Подойдя к тяжелой двери камеры, Прокуратор резко выдохнул, опираясь рукой на белую стену. Внутри, на каменном полу его ждал... вернее ждала предводительница культа, закованная в цепи. Молодой девушке на вид было не более двадцати лет. Она выглядела грациозно в своем белом платье. С головы лились волны солнечных волос, в которых с левой стороны были повязаны два белых банта. Глаза её имели насыщенный синий цвет, что напоминал цвет зимнего неба в ясный полдень. Черты лица её были правильные, красивые, даже сияющие. Слуга принес стул, на который сел прокуратор. По обе стороны от него встали солдаты. Прокуратор уперся подбородком в кулак.

– Так это ты глава культа? – строго спросил Прокуратор.

– Не культа, скорее братства, – спокойно ответила девушка.

– Отвечай прямо: да или нет?

– Да.

– Вот так. Коротко и ясно. Теперь, что за братство, братство кого?

– Человечества.

– Ясно. В донесении сказано, что тебя зовут Сефира Даатская. Это так? – продолжал допрос Прокуратор. Сефира кивнула, – Даат, это город такой? Никогда не слышал. Но это уже не важно...

Да, не так представлял себе Прокуратор главу культа, не так представлял он процесс борьбы. Он вспоминал легенды, рассказывающие о падении последних культов. Бравые легионеры молодой Республики обратили храмы в щебень. Они отправили в небытие главных прислужников Хаоса, Извечного врага и других языческих богов. В мире не осталось места для веры в сверхъестественные силы. Прокуратор много раз читал легенду о Люции Тиберии, который в дуэли победил хитрого Серпента, первосвященника Извечного врага. Серпент в бою использовал меч с двумя лезвиями и извивался как змея, что подчеркивает его гадкое имя. Но он пал, а вместе с ним пал последний культ известного мира.

А что тут – девчонка. Это какой-то позор. Отправит он её на эшафот, и что с того. Великий победитель детей – так его будут называть?

– Вот что тебе дома не сиделось? Играла бы в кукол, занималась по хозяйству. Нет, хтонизм, – он приказал страже выйти и оставить его одного для подробного допроса, – ты хоть знаешь, что тебя ждет?

– Казнь, – совершенно спокойно ответила она.

– Сефира, – Её имя, по иронии созвучное и именем его дочери, причиняло ему дискомфорт, – знай, правосудие должно восторжествовать. Я не посмотрю на твой юный возраст. То, что должно свершится, все равно свершится. Каждый в Республике, да славится она вечно, знает с малого возраста, религия – зло, места которому нет в мире. Она развращает и отупляет. Веками люди жили под гнетом богов, страшились, несли свои деньги алчным жрецам и отдавали свою свободу за теплое местечко на том свете. Цепи были сброшены. Но не мне читать тебе нотации. Назови имена своих доверенных людей.

– Я доверяю всем, чье сердце чисто.

– Придержи свои высказывания. Мне нужны имена твоих главных поделщиков.

– Я одна, и мы все. Среди нас все равны.

– Но ты, конечно же, равнее, – с усмешкой ответил Прокуратор, – не важно. Язык тебе развяжут пытки. Я дал тебе шанс умереть без предварительных мучений. Но перед этим я спрошу тебя и о другом: чему вы поклоняетесь? Что заместило в ваших головах просвещение и логику?

– Мы верим в добро, братство и любовь, прокуратор.

– Бред! Любая религия проповедует о добре, братстве и любви. Но это только игра на публику. На деле же, жрецы преследуют вполне понятные и конкретные цели: деньги и власть. Скажи, ты ведь преследуешь это, не так ли?

– Я уже сказала.

– Ты либо продолжаешь играть свою роль, либо ты просто безумна. Есть управа и на актеров, и на психов.

– Послушай, прокуратор, – резко говорила Сефира Даатская, – иногда добро – это просто добро. Не всегда за ним скрывается корысть. Я всего лишь хочу, чтобы люди любили друг друга, чтобы сердца их были чисты, а сами они были свободны. Вы – поборник закона, а значит и добра. Вы должны понять меня.

– Закон и добро – вещи разные. Закон ни зол, ни добр, он просто есть и должен исполняться. Закон делает людей равными. Он дает им свободу жить по правилам. А высшая свобода – жизнь в согласии с законом и разум, свободный от предубеждений наподобие религии.

– Законы устанавливаются людьми. В каждом человеке есть начало добра. Но тяжелая жизнь может осквернить его. Отсюда исходят неправильные законы. Мы хотим очистить их души от зла.

– Иными словами, вы хотите совершить революцию и захватить власть. Какими средствами, просветишь?

– Любовью и пониманием.

Прокуратор усмехнулся. Все встает на свои места: никакая это не секта: сборище безумцев, задумавших свергнуть власть. Это облегчало дело. После пыток заговорщицу казнят. Но вот вопрос: «очевидно, что Сефира – подставное лицо. Выдаст ли она имя истинного главаря?». Он закончил свой допрос. Через пару дней её казнят. Закон суров, но он – закон. Не важно: молодой ты или старик, мужчина или женщина. А пока Прокуратор будет занят дальнейшим расследованием. После всей этой полемики (он сам не знал, для чего её устроил) Прокуратор хотел только одного: побыстрее вернуться домой, отдохнуть. Дома его без сомнений ждет дочка, Зефира. Она – всё, что осталось у него после смерти жены, единственная родственная душа. Зефира найдет слова, которые успокоят отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.